

герман канабеев

ИСК
АЖЕ
НИЕ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
К19

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

Канабеев, Герман.

К19 Искажение / Герман Канабеев. — Москва: Эксмо, 2022. — 192 с.

ISBN 978-5-04-169172-1

Герои этой книги живут в мире, который исчисляется не только точными и реальными величинами. В этом мире есть место странному, пугающему и гарничащему с ужасом. Доводя образ до абсурда, Канабеев рассказывает о сегодняшней действительности максимально понятно и точно. Новый язык для новой реальности.

...вот популярный блогер, который фотографирует мусор на помойках, а в свободное время делает мусор из людей, выбрасывающих слишком мало вещей.

...вот старуха, которая, как в сказке, мечтает убить собственного внука, решив однажды не плодить на земле бедность.

...вот мальчик, у которого вместо лица — один глаз. И этот глаз позволяет немножко заглядывать в будущее, которое не всегда хочется видеть.

Проза Канабеева напоминает прозу раннего Виктора Пелевина и — одновременно — Клайва Баркера. От одного он берет строгость и емкость абсурдного стиля, от второго — избыточную образность и фантазию.

Для тех, кто любит играть в компьютерные игры, ближайшее сравнение будет с серией игра про «Сайлент Хилл».

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169172-1 © Канабеев Г., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ

В первый день весны погасли все звезды. Даже в Москве, в этом мрачном городе без солнца и неба, где звезд не видно никогда, всем было понятно, что их больше нет. Это чувство похоже на то, когда умирает мать, которую давно не видел. Когда живешь где-нибудь в Сибири уже лет тридцать, а мать умерла в Калининграде. Понимаешь, что ничего в жизни особо не изменилось, но в то же время сама жизнь будто потеряла смысл. И теперь надо дожить ее до конца с комком в горле. Звезды погасли.

Васильев шел по улице и думал, что совсем неплохо эта новая мода держать дома мелких собак. По улицам носились мопсы и таксы, чихуа-хуа и померанские шпицы, йорки и джек-рассел-терьеры, китайские хохлатые и левретки, перегрызшие свои ошейники и вырвавшиеся на свободу. Они с остервенением бросались на людей. Прыгали и вгрызались в горло. Васильев видел пару немецких овчарок и одного алабая, но те бегали стороной, не нападали, будто удивляясь тому, что мелкие псы творили со своими жертвами. Кошки не отставали от собак и бросались в лица, отгрызали носы и выцарапывали глаза. Голуби, воробьи и вороны доедали трупы. В первый день весны погасли все звезды.

Люди не сопротивлялись. Казалось бы, много ли нужно сил, чтобы справиться с таксой или кошкой? Но люди покорно позволяли разорвать горло, они улыбались, когда кошки хрустели пальцами рук, а воробьи лакомились глазами. Васильев их всех понимал. Что еще осталось людям, лишенным мечты, лишенным чувств из-за того, что погасли все звезды? А голубям, воронам, воробьям, а левреткам, таксам и померанским шпицам? Мечта нужна всем, как и звезды над головой. Люди, и собаки, и птицы просто хотят хоть что-нибудь почувствовать, а там, где нет места мечте, есть место смерти. Смерть — последняя надежда для любого живого существа. Смерть — последнее яркое путешествие, последний страх, последняя улыбка.

Васильев никогда не мечтал. Васильев эту жизнь жил. Не требовал, не жаловался, не надеялся. И погасшие звезды — очередное событие, которому у него нет объяснения. Как не было объяснения всему тому, что происходило в жизни, пока звезды блестели.

Васильев шел по улице к дому медленно, опасаясь, что на голову свалится очередной выброшенный с балкона или из окна ребенок. Родители выкидывали младенцев и тех, что постарше. Кому было больше четырнадцать лет, выбрасывались из окон сами. Кто-то из детей не умирал от падения, и тут в дело вступали померанские шпицы. Васильеву было безразлично, он ничего не чувствовал и понимал, что во всем этом теперь есть смысл. Теперь, когда погасли все звезды.

Васильев зашел в подъезд. На первом этаже на лестничной клетке сосед расчленил свою жену. Жена не плакала, сосед не торопился. Жена улыбалась и смотрела на мужа влюбленными глазами. Васильев подумал, что эти двое, наверно, сейчас в первый раз друг

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ

перед другом честны. Удивительно, для честности им потребовалось, чтобы погасли все звезды.

Васильев открыл дверь. Сел тут же на пороге и подумал, как же хорошо, что у него нет жены, которую сейчас, когда погасли все звезды, пришлось бы расчленивать, чтобы быть искренним. Как хорошо, что у него нет детей, нет собаки мелкой породы, а уж тем более собаки породы крупной — замечательно, что большие собаки теперь не в моде.

Как прекрасно, что у него нет кошки, и, может, совсем неплохо, что погасли все звезды. Наконец-то случилось что-то значительное. Не какая-то местечковая война, где даже на видео с места боевых действий непонятно, кто против кого воюет. Где можно только и увидеть, как пара не самых новых танков в городской застройке шмаляют по руинам жилых домов, да съемку с беспилотника, больше похожую на очередной уровень в шутере от первого лица. Не какая-нибудь телевизионно-интернетная пандемия, которая если и коснулась Васильева, так только в магазине, когда ему не продали хлеб и масло за то, что он был без маски. Кому нужна такая пандемия? То ли дело сейчас, когда погасли все звезды в первый день весны.

Погасли все звезды, кроме солнца. Солнце горело даже ярче, чем ему всегда было положено. Васильев вышел на балкон. Васильев смотрел на пылающее солнце.

«Почему оно не тухнет? Может, солнце еще сражается за нас, за людей? Что все мы без звезд? Может быть, все звезды вообще всегда были на одинаковом расстоянии от нас. Сплошной шатер над головой. Ткань жизни, полотно вселенной, и никаких разниц в миллионы и миллиарды световых лет. А может, все

ГЕРМАН КАНАБЕЕВ

звезды сожрали померанские шпицы? Джек-рассел-терьеры? Склевали голуби и воробьи? А солнце? А солнце сожрет собака крупной породы, конечно. Какая-нибудь немецкая овчарка или алабай. Сожрет последнюю причину мечтать. Последнюю причину жить. Последний человеческий день. И будет ночь. Настоящая ночь. Некому будет топить атомные кочегарки, чтобы вселять жизнь в уличные фонари. Да и кому теперь нужны эти фонари?» — думал Васильев.

Солнце разгоралось. Пламя звезды не могло сдерживать даже густое московское небо. Васильеву казалось, что еще немного, и солнце спалит его живьем. Но последняя на небе звезда тоже сдалась какой-то вселенской причине, неведомой космической задумке и в мгновение сжалась в точку. Васильев зажмурился, ожидая взрыва, но вместо него просто стало темно. Так темно, как не может быть даже в темноте.

Васильев на ощупь пробрался с балкона на кухню. Открыл холодильник. В холодильнике так же темно, как на небе, так же темно, как на всей земле, как во всей Вселенной, в которой погасли все звезды. Но в холодильнике стояло пиво, лежали заветренные куриные котлетки. «Да что мне эти мечты человеческие», — подумал Васильев и надкусил котлетку, и запил пивом в первый день весны, когда на небе погасли все звезды.

Завтра, решил Васильев, завтра я буду счастлив. Когда померанские шпицы доедят последних людей. Когда я привыкну к этой крошечной темноте. Когда я снова стану будто только что родившийся ребенок. Во второй день весны. Когда уже неважно, что погасли все звезды.

НЕДЕЛЯ

Понедельник

Так. Хлеб, молоко, яйца. На это хватит. Вот они лежат на полке. Три-четыре сытых дня. Андреев потянулся за канистрой молока. Полки с молочкой расфокусировались. Андреев так и замер с протянутой рукой.

«Доступно обновление», — появилось предупреждение перед глазами на фоне размытых полок с молоком, маслом и кефиром.

Андреев кивнул и прижался к стойке с чипсами, чтобы не мешать другим покупателям.

На днях обещали большое обновление, и не нужно будет вот так зависать и ждать, когда прогрузится реальность. Обновления будут устанавливаться в фоновом режиме. Обновление наконец загрузилось. Андреев снова потянулся за молоком.

«Действие недоступно в бесплатной версии реальности. Пополните счет», — выскочило предупреждение.

«Да пошло оно все, вашу мать!» — заорал на весь магазин Андреев.

«Нам важно ваше мнение. Помогите нам стать лучше. Оставьте свой отзыв», — загорелось перед глазами красным. Андреев выскочил на улицу.

Сегодня утром, перед тем как зайти в магазин, Андреев наслаждался редким для Москвы солнцем. Теперь небо было словно завернуто в полиэтилен. «Где это долбаное солнце?» — подумал Андреев.

«Солнце недоступно в бесплатной версии реальности, — прочитал он уведомление на фоне серого неба и вдогонку: — Сеть магазинов «Тингам» приглашает вас на пятничную распродажу, для вас будут доступны: суповой набор, маргарин, сухари ржаные, водка, вода, независимо от уровня вашей подписки».

— Какой сегодня день? — спросил Андреев у мужика, прижавшегося спиной к фонарному столбу в ожидании загрузки обновления.

— Понедельник, — ответил тот.

Андреев поднялся на свой этаж.

«Дверь не может быть открыта автоматически в бесплатной версии реальности», — мелькнуло перед глазами.

Андреев достал ключ из кармана куртки и открыл дверь.

«Девочка моя», — хотел сказать Андреев, но сквозь голосовое уведомление «Уменьшительно-ласкательные недоступны» прорвалось только: «Жена!»

Конечно, Андреев и без визуализации помнил, где и что в квартире, и без проблем прошел из прихожей в комнату. Он знал, что жена лежит на кровати, он знал, где стоит кровать, и, несмотря на то что перед глазами было сплошное размытое пятно расфокусированной реальности, он понимал и чувствовал, что она здесь, лежит на кровати такая красивая и недоступная в бесплатной версии реальности.

— Я говорила тебе, что больше не буду с этим мириться? — голос жены был спокоен, и спокойствие

НЕДЕЛЯ

пугало. Обычно она всегда выражала недовольство бурно, если не сказать больше.

— Обещаю, я подпишусь на премиум аккаунт. Я обещаю, — сказал Андреев.

— А пока поживем так, да? Как ты это себе представляешь?

— Прости, я подпишусь.

«Звук отключен. Подпишитесь на премиум аккаунт».

Андреев подошел к кровати и попытался прикоснуться к жене.

«Действие недоступно. Подпишитесь на премиум аккаунт».

Ни слуха, ни зрения. Размытое пятно перед глазами и бесконечное мелькание уведомлений. Андреев знал, что еще минута, и даже эта тишина из-за отключенных системой звуков скоро взорвется рекламными сообщениями. Еще минута, еще минута. Затем максимум полчаса, и приедет полиция. А он уже и сказать ничего ей не может. Не сможет объяснить, почему не продлевает платный аккаунт.

«Ваш аккаунт заблокирован. Ожидайте службу поддержки», — высветилось перед глазами.

Через несколько минут дверь в квартиру открылась, и в тот же момент «Система» отключила Андрееву зрение. В крошечной тьме он услышал:

«Андреев Максим Анатольевич, бесплатный период пользования окончен, вы будете депортированы за пределы системы».

Первое, что почувствовал Андреев, открыв глаза, — холод. Здесь, за пределами системы, рекламные сообщения еще подгружались, но скорости не хватало, и он слышал только обрывки: «Лучшее предложение... успеете подписаться...»

Андреев уже начал замерзать.

«Вы нарушаете лицензионное сообщение и авторские права, ощущая холод», — прочитал Андреев перед глазами, но холод при этом никуда не исчез. Андреев посмотрел на небо. Небо было синим, высоким и безразличным.

«У вас нет прав на осознание неба».

Андреев знал, что жить ему осталось не больше часа. Сколько ему там уже по факту лет? Официально тридцать, но когда он в последний раз запрашивал данные по факту, было двести сорок. Вне системы организм возьмет свое так быстро, что Андреев и понять не успеет, что это такое — настоящее небо и настоящий холод. Андреев лег на снег. Спину обожгло. Зимнее солнце падало к горизонту.

«Оранжево-красный цвет доступен после принятия лицензионного соглашения», — прочитал он уведомление. Но солнце оставалось оранжево-красным на закате. Будто и нет системы, будто и нет никаких уведомлений. Второе солнце в зените пылало и грело, но Андреев не мог смотреть на него и не мог согреться под его лучами, потому что тем самым нарушил бы авторские права. Солнце в зените было доступно только по подписке.

Андреев закрыл глаза.

«Вы нарушаете авторские права на темноту, подпишитесь на премиум аккаунт».

Темнота оставалась темнотой. С этой темнотой «Система» справиться не могла. Темнота была осязаемой, словно это не отсутствие света, а что-то живое, теплое и пушистое.

«Смерть недоступна в бесплатной версии реальности. Оплатите премиум аккаунт».

НЕДЕЛЯ

Андреев улыбнулся, прочитав это уведомление. Он знал, что смерть предусмотрена всегда, независимо от оплаты аккаунта, независимо ни от чего.

Тишина. Ни одного уведомления. Ни одного рекламного сообщения. Тишина. Пустота. Смерть.

«Спасибо, что были с нами. Мы дарим вам премиум подписку на пять лет. Благодарим за пользование системой. Вы подключены к звукам... вам доступны уменьшительно-ласкательные... доступна визуализация...»

«Да в рот вас всех», — подумал Андреев.

Вторник

После подписки на премиум аккаунт Андрееву пришлось подождать еще десять минут, пока закончатся все рекламные ролики. В полученном вместе с премиум аккаунтом пакете обновлений убрали возможность пропускать рекламу через десять секунд просмотра. Андреев пытался отвлечься на какую-нибудь мысль, чтобы не обращать внимания на рекламу. Перед глазами выскочило уведомление: «Мыслительный процесс недоступен для вашего тарифного плана. Если хотите переключиться на тариф "Мыслебезлимит", подумайте "А"».

«А», — попытался подумать Андреев.

«В вашем тарифном плане не предусмотрена функция — думать. Для переключения на тариф "Мыслебезлимит" подумайте "А"», — прочитал уведомление Андреев. Сбоила не «Система», явно что-то случилось с модулем. Андреев постучал кулаком по лбу.

«Новый год с доставкой! Только подумайте! Только подумайте, и праздник будет доставлен в ваш дом немедленно».

«Подумайте», — попытался подумать Андреев, но мысль оборвалась, и он оказался в промежутках между мыслями.

Такого состояния Андреев не ощущал никогда. Он слышал, что такое было возможно еще лет пятьдесят назад, когда модули не делали настолько совершенными. В то время даже не существовало запрета на отсутствие мыслей, а думать можно было без просмотра рекламы. Как только Андреев очутился в промежутках между мыслями, тут же завопила сирена, зрение отключилось, и вместо пустоты не-мышления Андреев осознал предупреждение: «Вы нарушаете 8132-ю статью уголовного кодекса Российской Конфедерации, запрещающую осознанность. Если причина вашей осознанности в неисправном оборудовании, обратитесь в ближайший многофункциональный центр».

Андреев тряхнул головой. Зрение вернулось. Сирена смолкла. «Ваш модуль неисправен? Вы попадаете в промежутки между мыслями? Получите новый модуль «Спутник XXIV» и забудьте о такой проблеме, как осознанность», — прочитал уведомление Андреев.

В многофункциональный центр — МФЦ — очередь растянулась на несколько сотен метров. Андреев встал в самый ее конец, и в этот момент перед глазами зарябило, и модуль в голове, видимо, окончательно вышел из строя. Ни думать, ни вникать, ни быть Андреев не мог. Он снова попал в промежуток между мыслями, но был спокоен. Здесь, возле МФЦ, его не могли привлечь за подобное преступление, Андреев не делал это специально, что считывала контрольная система МФЦ.

Андреев чувствовал себя пустым, ненужным. В промежутках между мыслями не было никакого Андреева. Была зима. Мерз кончик носа, и от моро-

НЕДЕЛЯ

за пощипывало пальцы ног и рук. В этих ощущениях не было ни смысла, ни цели. Непонятно, что с ними делать и зачем они. К чему эти не самые приятные ощущения тела, если за ними не следует предложение прекратить их?

Мужик, за которым в очереди пристроился Андреев, оказался беспокойным. Он то и дело оборачивался и смотрел в глаза Андрееву так, будто хотел увидеть, о чем он думал. Андреев же, может, и хотел бы подумать о том, чего этот мужик хочет, но тогда бы он не мучился сейчас в этой очереди.

Наконец поняв, что Андреев не может ничего подумать, мужик спросил:

— Сломался?

— Ых нах, — вырвалось у Андреева, хотя он не это имел в виду.

— Ясно, — ответил мужик. — Давай я тебе со своего модуля мысль раздам.

— Еух, — ответил Андреев.

Соединение от мужика было агрессивным. Даже сломанный модуль Андреева ожил, почувствовав настолько мощный сигнал.

— Теперь слышишь? — спросил мужик.

— Слышу, — ответил Андреев. — Как это у тебя так получается?

— Тариф такой — «Святейший», не слышал? Хотя да, откуда ты услышишь, он корпоративный. В нем даже рекламы почти нет, так, только специальные предложения. Хочешь такой?

— Хочу, — ответил Андреев. — Я мыслить буду?

— Будешь. Только ответь, тебе важно именно мыслить или о чем-то мыслить?

— Мыслить, — не задумываясь, ответил Андреев.